

Коронационные торжества

**Альбом Священного Коронования Их
Императорского Величества государя императора
Николая Александровича и государыни
императрицы Александры Феодоровны**

УДК 93
ББК 63.3
К68

К68 Коронационные торжества: Альбом Священного Коронования Их Императорского Величества государя императора Николая Александровича и государыни императрицы Александры Феодоровны / – М.: Книга по Требованию, 2019. – 173 с.

ISBN 978-5-458-23346-0

Данное издание содержит краткое описание истории коронавания всех российских самодержцев, более детально освещена коронация императора Николая II. Издание газеты "Новости Дня" и журнала "Семья".

ISBN 978-5-458-23346-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

года, узники — свободу и т. д. Пиры и народные угощения длились двѣнадцать дней.

Быстро слѣдуютъ одно за другимъ слѣдующія вѣнчанія, совершаясь все по тому же чину, то съ большею, то съ меньшею торжественностью, съ большими или меньшими празднествами и льготами, но тожественныя въ своемъ существѣ. Въ іюнь 1605 г. вѣнчается на царство первый Лжедмитрій, а почти черезъ годъ вѣнчается передъ совершеніемъ брачнаго обряда и невѣсту свою, Марину

Мнишекъ, вполне по чину; а еще черезъ какія-нибудь три недѣли, 1-го іюля 1606 г., происходитъ новое вѣнчаніе, только значительно менѣе пышное, безъ народныхъ празднествъ и пировъ, — вѣнчается на царство Василій Ивановичъ Шуйскій. Все сильнѣе разгораются неурядицы смутнаго времени, тяжело стонетъ Русь, пока не находитъ успокоенія въ избраніи на престолъ Михаила Теодоровича, родоначальника новой династїи, который 17-го іюля 1613 г. и вѣнчается на царство.

Вѣнчаніе на царство Михаила Теодоровича.

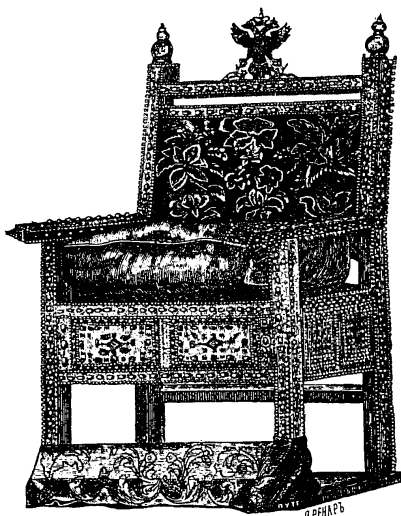

Вѣнчаніе совершается по прежнему чину, но исключительныя обстоятельства придаютъ ему и исключительную торжественность, и исключительный интерес. Царское вѣнчаніе происходило 11 іюля, въ день, когда

Михаилу исполнилось семнадцать лѣтъ. Такъ какъ патриарха въ то время, послѣ смерти Гермогена, въ Московскомъ государствѣ не было, то обрядъ вѣнчанія совершалъ старѣйшій изъ духовныхъ лицъ, митрополитъ казанскій Ефремъ. Къ царю въ палату принесли «царскій чинъ», Михаилъ приложился ко кресту, затѣмъ «чинъ» былъ понесенъ на золотыхъ блюдахъ въ Успенскій соборъ, подъ звонъ всѣхъ кремлевскихъ колоколовъ. Царскій духовникъ несъ на головѣ блюдо съ животворящимъ крестомъ, князь Пожарскій — скипетръ, царскій казначей — державу, царскій дядя Иванъ Никитичъ Романовъ — шапку Мономаха. Въ соборѣ было

приготовлено «великое чертожное мѣсто», обитое алымъ сукномъ, и на немъ сѣдалище — «Персидскій престоль», присланный въ подарокъ Михаилу Теодоровичу персидскимъ шахомъ Аббасомъ, украшенный драгоценными камнями, съ подножкой или «приступцемъ», покрытый золотистымъ бархатомъ; а подлѣ, по лѣвой сторонѣ, «стулъ» для митрополита съ золотистою бархатною подушкой. Противъ чертожнаго мѣста — три наложы, подъ драгоценными пеленами, для «царской утвари» или регалий. Когда утварь была положена на мѣста и царя извѣстили, что все готово, онъ отправился въ храмъ, въ сопровожденіи бояръ и стольниковъ. Стрѣльцы, поставленные въ два ряда, охраняли путь; впереди царя шелъ его духовникъ и кропилъ царскій путь святою водою. Кругомъ толпился народъ; былъ онъ допущенъ и въ самый соборъ, гдѣ его устанавливали окольничіе и стольники и увѣщевали «стоять съ молчаніемъ, кротостію и вниманіемъ». При входѣ въ соборъ государя встрѣтили митрополитъ казанскій и митрополитъ ростовскій, а также всѣ архіепископы, епископы и архимандриты. Митрополитъ Ефремъ далъ ему

поцѣловать крестъ и окропилъ его святою водою. Пѣвчіе дьяки запѣли многолѣтіе, а государь въ это время прикладывался къ иконамъ. Затѣмъ, начался молебенъ, послѣ котораго митрополитъ возвелъ царя на «чертожное мѣсто», и тотъ сѣлъ на свой престоль, а митрополитъ — на стулъ. Посидѣвъ нѣкоторое время, оба встали, и вѣнчаемый царь обратился къ владыкѣ съ рѣчью, въ которой упомянулъ о томъ, что царь Теодоръ безчаденъ оставилъ царство, избранные послѣ того цари скончались, а Василій отъ царства отказался, что его, Михаила, избрали на царство всемъ соборомъ русскою землїю. «По Божьей милости и по данной вамъ благодати Святаго Духа и по вашему и всякихъ чинѣвъ Московскаго государства избранію, богомольцы наши, благословите насъ и вѣнчайте насъ на наши великія государства царскимъ вѣнцомъ по прежнему царскому чину и достоянію», — закончилъ государь свое слово. Въ отвѣтъ на него митрополитъ

Престоль царя Михаила Теодоровича.

Ефремъ произнесъ рѣчь отъ лица духовенства и всего народа, возложилъ крестъ на царя и, держа руку на его головѣ, прочелъ соотвѣтственную молитву; затѣмъ, надѣвъ на него бармы и царскій вѣнецъ, отвелъ на царское мѣсто и поклонился ему. Царь отвѣтилъ тѣмъ же, приподнявъ немного вѣнецъ. Митрополитъ Кириллъ и архіереи поднесли митрополиту Ефрему скипетръ и державу, а тотъ подалъ государю скипетръ въ правую руку, державу — въ лѣвую, послѣ чего было провозглашено многолѣтіе «боговѣнчанному прославленному государю», съ прочтеніемъ его полного царскаго титула, принесены ему поздравленія съ поклонами «ниже пояса», и митрополитъ обратился къ нововѣнчанному государю съ «почтительнымъ словомъ», въ которомъ внушалъ бласти царскія добродѣтели, беречь бояръ и закончилъ словами: «Возмогай же, государь, возмогай, да, когда придетъ часъ суда твоего, ты сможешь стать безбоязненно предъ Господомъ и сказать: «Се я, Господи, и люди Твои, которые Ты далъ мнѣ», — сказать и услышать гласъ Царя и Бога Твоего: «Благій рабе, царю російскій

Михаиле, въ малѣ ты былъ мнѣ вѣренъ, надъ многимъ поставлю тебя». Затѣмъ митрополитъ благословилъ царя животворящимъ крестомъ и громко молился: «Да умножить Господь лѣта царствія царя Михаила; да узритъ онъ сыны сыновъ своихъ; да возвысится десница его надъ врагами, и устроится царство его и потомство его мирно и вѣчно». Началась литургія, въ продолженіе которой государь, при положеніи земныхъ поклоновъ, снималъ съ себя царскій вѣнецъ и отдавалъ его держать Ивану Никитичу Романову. Послѣ великаго выхода государь подошелъ къ царскимъ вратамъ, и митрополитъ возложилъ на него цѣпь изъ «аравійскаго золота». Затѣмъ было совершенно помазаніе святаго великаго муро, въ установленномъ порядкѣ. Митрополитъ Кириллъ поднесъ митрополиту Ефрему муро, влитое въ «крабицу» (яшмовый сосудъ, принадлежавшій вѣкогда кесарю Августу,

съ изображеніемъ свернушагося въ кольцо змія на крышкѣ); Ефремъ взялъ золотымъ «сучомъ» мира и помазалъ имъ Михаила на челѣ, ухахъ, персяхъ, плечахъ и обѣихъ сторонахъ рукъ. Крупныя капли муро митрополитъ отеръ ватюю, которая потомъ, согласно обряду, была сожжена въ алтарѣ, въ «сокровенномъ мѣстѣ». По муропомазаніи митрополитъ приобщилъ государя. Затѣмъ, слѣдующаго обычая, Михаилъ отправился въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы и, при выходѣ изъ нихъ, былъ осыпанъ золотыми и серебряными монетами. Въ тотъ же день былъ обѣдъ въ Грановитой палатѣ, повторенный на второй и третій день, при чемъ на послѣднемъ обѣдѣ присутствовали и боярыни, сидѣвшія за столомъ противъ своихъ мужей. Особыхъ милостей и льготъ народу дано не было, потому что истощенная междоусобицею казна была пуста...

Вѣнчаніе Алексѣя Михайловича, Ѳеодора, Ивана и Петра Алексѣевичей.

Совершенно такъ же короновался сынъ Михаила Ѳеодоровича, «тишайшій царь», Алексѣй Михайловичъ. Обрядъ вѣнчанія былъ совершенъ надъ нимъ въ воскресенье, 28 сентября 1648 года, патриархомъ Іосифомъ (патриархи же вѣнчали, по его смерти, его сыновей—Ѳеодора, Иоанна и Петра Алексѣевичей) и отличался большою торжественностью. Существенныхъ отличій отъ вышеописаннаго не было. Только патриархъ, кромѣ прежнихъ помазаній, помазалъ еще царя «на брадѣ и подъ брадою». «Мы объясняемъ эту добавку тѣмъ, говоритъ анонимный авторъ очерка «Коронованіе государей» (въ «Историческ. Вѣстн.»), что въ ту пору стало проявляться въ Москвѣ своего рода вольнодумство. Русскіе люди, въ подражаніе жившимъ въ Москвѣ иноземцамъ и преимущественно полякамъ, начали было брить бороды, и патриархъ Іосифъ, вѣроятно, желая предотвратить это новшество, помазалъ царскую бороду и подъ бородою и тѣмъ какъ бы осяятилъ ея неприкосновенность въ поученіе московскимъ людямъ, рѣшавшимся бритьемъ бороды искажать подобіе Божіе». Во всемъ остальномъ вѣнчаніе было согласно съ предшествующими. Царь Алексѣй Михайловичъ также ходилъ послѣ муропомазанія и причастія въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы въ полномъ облаченіи, въ вѣнцѣ, бармахъ, съ державою и скипетромъ, и, когда выходилъ оттуда, Никита Ивановичъ Романовъ осыпалъ его въ церковныхъ дверяхъ трижды золотыми деньгами. Затѣмъ три дня продолжались торжества при царскомъ дворѣ; всякихъ чиновъ люди приходили съ подарками и сами получали многія милости.

Слѣдующему вѣнчанію, царя Ѳеодора Алексѣевича, происходившему 16 іюня 1676 г., предшествовало челобитъ патриарха, митрополитовъ, архіепископовъ, игуменовъ, царевичей Сибирскаго и Касимовскаго, бояръ, окольничьихъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и городскихъ, дѣтей боярскихъ, гостей и высшихъ чиновъ служилыхъ и торговыхъ людей. Самое вѣнчаніе было совершенно по болѣе сложному и торжественному чиноположенію.

Главное нововведеніе состояло въ томъ, что патриархъ Іоакимъ, прежде чѣмъ возложить на царя знаки царской власти, обратился къ нему съ вопросомъ, какъ онъ вѣруетъ и исповѣдуетъ Отца и Сына и Святаго Духа, а государь въ отвѣтъ прочиталъ символъ вѣры по новоисправленнымъ книгамъ. Другое отличіе въ томъ, что государь въ самомъ храмѣ надѣлъ на себя новую одежду, принесенную однимъ изъ стряпчихъ. Приобщеніе было совершенно въ алтарѣ, при затворенныхъ царскихъ вратахъ. Эти измѣненія въ вѣнчальномъ обрядѣ были удержаны и при слѣдующемъ вѣнчаніи, свидѣтельницаю котораго Москва была 25 іюня 1682 г. Исключительность этого послѣдняго состояла въ томъ, что вѣнчались одновременно два государя, Иванъ и Петръ Алексѣевичи, братья покойнаго царя, и это обусловливало по необходимости нѣкоторыя измѣненія. Такъ какъ Мономахова «царская утварь»—крестъ, бармы, вѣнецъ, скипетръ и держава—была одна, а вѣнчались на царство двое, то для Петра были изготовлены еще новыя регаліи, поддѣланныя подъ старыя. Былъ изготовленъ и новый престолъ, двумѣстный, изъ серебра, роскошной отдѣлки. Успенскій соборъ былъ убранъ такъ же, какъ и при предшествующихъ вѣнчаніяхъ, только для «царскаго сана» были поставлены не три, а шесть столовъ. Вѣнчаніе совершалъ патриархъ Іоакимъ, первенство отдавалось старшему изъ вѣнчающихся братьевъ, пятнадцатилѣтнему Ивану. Вѣнчаніе это, между прочимъ, вызвало большую смуту среди раскольниковъ. Толпа ихъ, предводимая нѣсколькими вожаками, хотѣла даже вломиться въ Кремль и прорваться въ соборъ, чтобы подать патриарху старопечатные «служебники» и «часовникъ», по которымъ бы и было совершенно вѣнчаніе. Но прорваться сквозь людское море, волновавшееся кругомъ собора, было не легко, и когда они достигли собора, вѣнчаніе было уже окончено. На третій день состоялся пиръ, а недѣли черезъ двѣ нововѣнчанные цари ѣздили въ Троице-Сергіевскій монастырь помолиться предподобному Сергію.

Это, съчетомъ десятое, «вѣнчаніе на царство» было послѣднимъ, совершеннымъ по старомосковскимъ обычаямъ.

ямъ. Проходить сорокъ два года, и въ стѣнахъ Успенскаго собора совершается уже «коронованіе» въ собственномъ смыслѣ, не шапкою Мономаха, а Императорскою короною по церемоніалу, значительно отступающему

отъ прежняго чиновложенія, предшествуемое притомъ особымъ торжественнымъ въѣздомъ въ первопрестольную столицу, такъ какъ резиденція монарховъ перенесена на берега Невы.

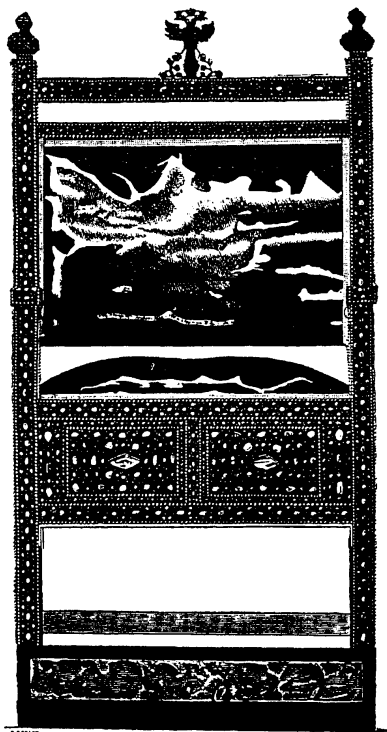
Корованіе Екатерины I.

первую на Руси коронацію, обставленную съ чрезвычайною пышностью и роскошью, сопровождавшуюся многочисленнымъ съѣздомъ со всѣхъ концовъ государства и народными празднествами, съ подражаніемъ западнымъ торжествамъ, словомъ коронацію въ томъ видѣ, въ какомъ совершается сіе высоко-торжественное, великое событіе въ настоящее время, устроилъ Петръ Первый, вѣнчая на царство супругу свою, государыню Екатерину Алексѣевну. Государь возвѣстилъ о томъ въ манифестѣ отъ 15 ноября 1723 года, изложивъ въ немъ и «причины, къ тому онаго побуждающія». Государь указывалъ, во-первыхъ, на заслуги государыни передъ государствомъ. Она была во время войны великою помощницею и, «отложивъ немощь женскую, мужски, а не женски поступала». Манифестъ ссылался, затѣмъ, на примѣры императоровъ византійскихъ, поступавшихъ такимъ же образомъ. «Василискъ супругу свою Зиновію, Юстиніанъ супругу свою Люницію, Ираклій — Мартинію, Левъ Премудрый — Марію императорскимъ вѣнцомъ короновали...» «Того ради», заканчивался манифестъ, «данною намъ отъ Бога самовластію, за такіе супруги наша труды коронаціею короны почтеть еже нынѣшнія зимы въ Москвѣ имѣеть совершенно бытъ».

Въ томъ же ноябрѣ 1723 г., для подготовленія торжественнаго событія, бывшаго совсѣмъ вновь, были отправлены въ Москву первый архіепископъ Новгородскій и графъ П. А. Толстой. Непосредственно передъ коронаціею, въ февралѣ, государь и государыня ѣздили, или, говоря языкомъ официальнаго описанія, «походъ свой восприяли къ Олонекимъ марціальнымъ водамъ», а оттуда прибыли въ концѣ марта въ Москву, гдѣ уже усиленно готовились къ небывалому торжеству. Въ Кремлѣ, передъ Императорскимъ дворцомъ, построены были «два мѣста, широтою 15 футъ», т. е. два помоста, обитые краснымъ сукномъ, одинъ отъ Краснаго крыльца до дверей Успенскаго собора, другой — отъ него до собора Архангельскаго. Соборъ Успенія Пресвятыя Богоро-

лицы (Успенскій соборъ) былъ украшенъ «всякимъ дражайшимъ уборомъ». Въ центрѣ церкви, противъ алтаря, былъ устроенъ балдахинъ «изъ кармазнаго бархата», внутри котораго вышитъ всероссійскій гербъ, черный орелъ, а кругомъ него гербы кievскій, владимірскій, казанскій, астраханскій и сибирскій. Весь балдахинъ былъ затканъ золотомъ и богато убранъ бахромою, кистями, золотыми шнурами, «яблоками» и т. д. Подъ балдахиномъ былъ установленъ на двѣнадцати ступеняхъ тронъ, весь золоченый и украшенный живописью, вышиною въ 3 аршина, шириною въ 6 аршинъ; вокругъ трона — перила «изъ различныхъ іероглифическихкихъ фигуръ и рѣзбы». На тронѣ были поставлены два кресла древней работы, украшенные драгоценными камнями, правое — для императора, лѣвое — для императрицы. Немного вправо отъ этихъ креселъ стоялъ длинный столъ, прикрытый дорогою парчею, и на немъ — императорскія регалии, съ короною во главѣ. Для ея изготовленія Петромъ специально былъ выписанъ изъ-за границы ювелиръ, задолго до манифеста о коронаціи, и онъ долженъ былъ дать клятвенное обѣщаніе, что будетъ готовить корону собственноручно, никому не сказывая. Вся она была изъ алмазовъ и брильянтовъ, между которыми нѣсколько очень значи-

Престоль царя Алексѣя Михайловича.

тельной величины; украшена она была также жемчугомъ, «оріентальными перлами», очень ровнымъ и прекраснаго отлива. На этомъ фонѣ алмазовъ и жемчуга выдѣлялся рубинъ, величиною съ голубиное яйцо. Рубинъ занималъ верхъ короны, и на немъ укрѣпленъ алмазный крестъ. Рядомъ съ короною лежали скипетръ, обложенный алмазами и рубинами, держава, императорская мантия изъ золотой парчи, съ рельефными орлами, подбитая горностаемъ «предивной бѣлости», съ брильянтовыми заплатами.

Когда всѣ приготовленія къ торжеству коронаціи были окончены, государемъ былъ назначенъ день коронованія — 7-е мая, и объ этомъ было за два дня объявлено по Москвѣ черезъ особыхъ герольдовъ, «при играніи на трубахъ и при битіи въ литавры». Наканунѣ же коронованія государыни Петръ и Екатерина Алексѣевна со всею августѣйшею семьею переѣхали изъ Лѣтняго дворца, гдѣ

тальной величины; украшена она была также жемчугомъ, «оріентальными перлами», очень ровнымъ и прекраснаго отлива. На этомъ фонѣ алмазовъ и жемчуга выдѣлялся рубинъ, величиною съ голубиное яйцо. Рубинъ занималъ верхъ короны, и на немъ укрѣпленъ алмазный крестъ. Рядомъ съ короною лежали скипетръ, обложенный алмазами и рубинами, держава, императорская мантия изъ золотой парчи, съ рельефными орлами, подбитая горностаемъ «предивной бѣлости», съ брильянтовыми заплатами.

жили, въ Кремль, во дворецъ, который былъ къ этому времени значительно реставрированъ. Страніями верховнаго маршала, графа Толстого нѣкоторые покои были приведены къ коронаціи въ надлежащій видъ, и императорская семья провела здѣсь ночь.

Рано поутру 7-го мая начали собираться въ Кремль войска, между прочимъ—спеціально къ коронаціи учрежденная кавалергардская рота, а также знатнѣйшія персоны и прочіе чины, всѣ, говоритъ официальное описаніе, пользуясь французскимъ выраженіемъ, «убранные въ галль». Часовъ въ одиннадцать началось шествіе ихъ величествъ, при звонѣ всѣхъ колоколовъ и музыкѣ всѣхъ полковъ. Шествіе открывали кавалергарды, въ половинномъ составѣ, съ карабинами въ рукахъ; за ними, подъ предводительствомъ гофмейстера, двѣнадцать пажей императрицы въ зеленыхъ бархатныхъ кафтанахъ и парчевыхъ камзолахъ, въ бѣлокурыхъ парикахъ и съ бѣлыми перьями на шляпахъ. За ними—четыре взрослыхъ пажа императора, называвшихся въ то время «денщиками». Далѣе—церемоніймейстеръ, Иванъ Максимовичъ Шуваловъ, депутаты отъ провинцій, бригадиры, всѣ генералитетъ; маршалъ Толстой съ большимъ серебрянымъ маршальскимъ жезломъ, украшеннымъ двуглавымъ орломъ и осыпаннымъ драгоценными камнями, въ сопровожденіи герольдмейстеровъ Плещеева и гр. Сантъ, въ костюмахъ малиноваго бархата съ вышитыми золотомъ орлами. За ними Остерманъ, кн. Димитрій Голлицынъ и еще двое несли на большой подушкѣ описанную выше коронаціонную мантию императрицы, вѣсомъ, рассказываетъ Берхгольцъ, — въ 150 фунтовъ; одинъ аграфъ ея стоилъ, по словамъ того же Берхгольца, сто тысячъ рублей. Кн. Долгорукій несъ державу, гр. Мусинъ-Пушкинъ—скипетръ, гр. Брюсъ—корону. Вслѣдъ за ними шелъ Петръ, въ лѣтнемъ кафтанѣ небесно-голубого цвѣта, штотомъ серебромъ, въ красныхъ шелковыхъ чулкахъ и въ шляпѣ съ бѣлымъ перомъ. Государыня, шествовавшая сейчасъ за государемъ, была въ богатомъ, шитомъ по испанской модѣ платьѣ, изъ пурпурной штофной матеріи, съ золотымъ шитьемъ и длиннымъ треномъ, который несли пять статсъ-дамъ (княгини Меншикова, Головкина, Брюсъ и др.). На головѣ у государыни былъ драгоценнѣйшій уборъ, осыпанный алмазами и жемчугомъ. Государыню вель за руку герцогъ голштинскій; за нею слѣдовали ассистенты, статсъ-дамы, прочія дамы попарно и придворные кавалеры. Шествіе замыкалось второю половиною кавалергардской роты.

Государь былъ встрѣченъ у церкви духовенствомъ; пѣвчіе запѣли сотый псаломъ—«Милость и судъ воспою Тебѣ, Господи». Когда подошли къ трону, Государь взялъ у герцога Голштинскаго руку монархини и возвелъ ее по ступенямъ на возвышеніе, затѣмъ взялъ со стола скипетръ, отдалъ шляпу стоявшему позади Меншикову и подалъ государынѣ знакъ сѣсть. Но она, рассказываетъ Берхгольцъ, не могла исполнить этого до тѣхъ поръ, пока его величество напередъ самъ не сѣлъ на свой стулъ по правую сторону. Затѣмъ государь снова всталъ и произнесъ краткую рѣчь, обращаясь къ поднявшемуся на тронъ духовенству: «Понеже всѣмъ извѣстно есть, какъ прежде объявили мы манифестомъ о намѣреніи своемъ, для коронаванія любезнѣйшей нашей супруги, которое нынѣ изволите по чину церковному совершить». Тогда епископъ новгородскій Ѳеодосій благословилъ преклонившую колѣна императрицу, крестообразно оеѣня верхъ главы ея и положила руку на голову ея, и во всеус-

лыпаніе прочиталъ молитву. Когда государыня встала, архіерей подалъ государю мантию; тотъ, держа скипетръ въ рукахъ, возложилъ ее на государыню; такимъ же образомъ, послѣ новой молитвы, возложилъ государь корону на голову вѣнчаемой государыни и вручилъ ей державу. Вслѣдъ затѣмъ, рассказываетъ Берхгольцъ, государыня обратилась къ Петру и, преклонивъ правое колѣно, какъ бы хотѣла поцѣловать его ноги; но онъ съ ласковою улыбкою тотчасъ же поднялъ ее. Въ это время грянулъ первый залпъ изъ пушекъ и ружей, и понесся по Москвѣ колокольный звонъ. Отдавъ стоявшимъ подлѣ лицамъ скипетръ и державу, государь и государыня спустились съ трона и прослушали литургію, послѣ чего отворились царскія двери, государь и государыня подошли къ нимъ, государыня опустилась на колѣна на золотую подушку, и архіепископъ помазалъ ее святымъ мвро крестообразно на челѣ, на персяхъ и на обѣихъ рукахъ, а архіепископъ Ѳеофанъ отеръ помазанныя мѣста хлопчатое бумагою и «положилъ оную», прибавляетъ официальное описаніе, «въ горнѣ алтарный». Въ это время снова грянулъ залпъ орудій и ружейный огонь. Затѣмъ государыня причастилась Пречистыхъ Таинъ. Архіепископъ псковскій Ѳеофанъ Прокоповичъ произнесъ пространное «слово», въ которомъ превозносилъ необыкновенныя добродѣтели государыни и говорилъ, какъ справедливо Богъ и государь даровали ей русскійскую корону. Послѣ слова, закончившагося поздравленіями отъ всѣхъ сословій Россійскаго государства, присутствующіе перешли въ Архангельскій соборъ. Государыня, объ руку съ герцогомъ голштинскимъ, шла въ коронѣ и мантии; надъ нею шесть генераль-майоровъ несли богатый балдахинъ, на шести серебряныхъ столбикахъ. При выходѣ ея изъ собора грянулъ третій залпъ, зазвонили всѣ колокола, загремѣли литавры, барабаны и трубы, и всѣ эти звуки слились съ восторженными кликами многочисленной толпы, собравшейся, чтобы лицезрѣть новокоронованную царицу. Была прочитана діакономъ ектенія, государыня приложилась къ мощамъ и поклонилась гробамъ починшихъ царей. У паперти собора Архангела Михаила государыню ждала парадная карета, съ богатою позолотою и живописью, съ серебряною золоченою короной наверху; въ этомъ экипажѣ, запряженномъ восьмеркою лошадей, государыня проѣхала въ Вознесенскій монастырь. Князь Меншиковъ, между тѣмъ, — рассказываетъ все тотъ же очевидецъ (Берхгольцъ состоявшій камеръ-юнкеромъ при герцогѣ голштинскомъ), — ходилъ у мѣсть, гдѣ собрался народъ, и бросалъ въ него маленькія золотыя и серебряныя медали, вынимая ихъ пригоршнями изъ красныхъ бархатныхъ мѣшковъ, которые за нимъ носили Приценштіернъ и Плещеевъ.

Черезъ полчаса государыня вернулась во дворецъ, и вскорѣ начался коронаціонный обѣдъ въ обновленной Грановитой палатѣ. Государь и государыня сѣдѣли за особымъ столомъ подъ балдахиномъ; возлѣ нихъ, за маленькимъ столомъ, — герцогъ голштинскій; далѣе — столъ съ 19 знатнѣйшими пастырями, столъ съ сенаторами, генералами и прочими знатными должностными лицами, столъ съ дамами, столъ съ депутатами и офицерами. При императорскомъ столѣ оберъ-пенкъ Апраксинъ разрѣзалъ кушанья, два генераль-адъютанта прислуживали государю, два камеръ-юнкера — государынѣ. Кушанья подавались два раза. Послѣ первой подачи всталъ съ мѣста князь Меншиковъ и, обходя гостей, раз-

давалъ имъ золотыя медали, на которыхъ было выбито изображеніе монарха, возлагающаго корону на голову супруги.

Тѣмъ временемъ на площади передъ дворцомъ прохаживалъ народъ. На высокомъ помостѣ, обитомъ краснымъ холстомъ, былъ выставленъ большой жареный быкъ, начиненный птицами разныхъ родовъ; по обѣимъ сторонамъ его фонтаны били бѣлымъ и краснымъ виномъ, которое по трубамъ было проведено съ колокольни Ивана Великаго.

8-го мая происходилъ приемъ поздравленій, причемъ

приносили поздравленія самъ Петръ. Черезъ два дня, 10-го, на Царицыномъ лугу, позади Кремля, было устроено большое торжество. Праздникъ закончился роскошнымъ фейерверкомъ, длившимся два часа. «Не думаю, чтобы бывало на свѣтѣ много подобныхъ ему», — прибавляетъ Берхгольцъ. На слѣдующій день была предпринята поѣздка въ село Коломенское, и въ старомъ царскомъ увеселительномъ дворцѣ устроенъ шпръ. Нужно прибавить, что 28 апрѣля, за девять дней до коронаціоннаго торжества, былъ данъ именной указъ, которымъ взыскаіііе недоимокъ отсрочено на три года.

Коронаваніе Петра II, Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны.

Какъ совершилась у насъ первая коронація, въ которой мы уже встречаемся почти со всѣми атрибутами послѣдующихъ коронаціонныхъ торжествъ. И потому, при ихъ описаніи, мы не будемъ повторять уже извѣстныхъ подробностей.

Такъ, почти въ точности все торжество было повторено при коронаваніи царя-отрока, одиннадцатилѣтняго Петра II, совершившемся 28-го февраля 1728 г. Коронація предполагалась еще въ январѣ, и объ этомъ было объявлено въ манифестѣ отъ 10 октября 1727 г., гласившемъ между прочимъ, что императоръ воспріялъ намѣреніе „въ Москвѣ при всенародной церковной молитвѣ и духовномъ благословеніи императорскую корону съ прочими клейнотами и священное помазаніе воспріяты, еже приходящія зимы въ генварѣ мѣсяцѣ Господа изволеніемъ совершенно быть имѣть“. Дѣйствительно, въ первыхъ числахъ января новый императоръ двинулся съ большою свитою изъ Петербурга, завернулъ въ Новгородъ и черезъ десять дней былъ у Москвы, остановился въ нѣсколькихъ верстахъ отъ первопрестольной столицы, въ загородномъ домѣ грузинской царицы. Но тутъ царя-отрока постигла болѣзнь, онъ пролежалъ нѣсколько дней въ постели, и только въ началѣ февраля былъ совершенъ торжественный въѣздъ въ Москву или, говоря словами Теофана Прокоповича, «славный входъ въ царствующій градъ Москву», а 25-го февраля совершилась и «преславная его величества коронація», почти во всемъ согласно съ тѣмъ, какъ короновалась государыня Екатерина Алексѣевна. Отступленія были незначительны. Народныя гулянья, кромѣ Кремля, были еще устроены и на Дѣвичьемъ полѣ, навсегда оставшимся излюбленнымъ мѣстомъ для увеселенія московскаго простонародья. Милостей было оказано больше, чѣмъ въ предыдущую коронацію: нѣкоторымъ категоріямъ преступниковъ облегчены наказанія, сложены нѣкоторые недоимки и штрафы, наконецъ—прощены подушныя подати за майскую треть этого года.

Съ чрезвычайнымъ блескомъ короновалась преемница юнаго императора, прожившаго послѣ коронаціи лишь около трехъ лѣтъ, дочь Іоанна Алексѣевича, Анна, вдовствующая герцогиня курляндская. Прибывъ изъ Курляндіи въ Москву, Анна Іоанновна остановилась въ семи верстахъ отъ столицы, во Всевятскомъ; 15-го февраля

1730 г. былъ совершенъ торжественный въѣздъ въ Москву, затѣмъ изданъ манифестъ о коронаваніи, назначенномъ на 28-е апрѣля. Успенскій соборъ былъ убранъ для торжества совершенно такъ же, какъ при Екатеринѣ I, и самый обрядъ коронаванія былъ совершенно тотъ же, только къ числу регалій прибавлена новая—цѣпь ордена Андрея Первозваннаго, и съ этого времени орденская цѣпь перваго русскаго ордена неизмѣнно фигурируетъ во всѣхъ послѣдующихъ коронаваніяхъ. Въ коронаціонномъ шествіи, кромѣ прежнихъ лицъ, участвовали еще пажы съ гофмейстеромъ, депутаты отъ эстляндскихъ и лифляндскихъ городовъ и мѣстные ландтагы. Присутствовала при коронаваніи и престарѣлая царица Евдокія Теодоровна, первая супруга Петра Великаго, постриженная по его приказу въ инокини Суздальскаго Покровскаго монастыря, потомъ заточенная въ Шлиссельбургъ и освобожденная звукомъ, Петромъ II. По желанію царицы, мѣсто для нея въ соборѣ было устроено такъ, что никто не могъ ее видѣть. Обрядъ коронаванія совершалъ Теофанъ Прокоповичъ. Мвропомазаніе было совершено съ большими прибавками противъ помазанія Екатерины Алексѣевны; она была помазана «на челѣ, на очахъ, на ноздряхъ, на устахъ, на ушесѣхъ, на рамахъ, на персяхъ и по обою сторону на рукахъ». Происходило оно при «великомъ звонѣ» и «стрѣльбѣ изъ пушекъ бѣглымъ огнемъ». Послѣ помазанія императрица Анна была введена въ алтарь и тамъ приобщена по царскому чину, особо тѣла Христова и особо крови Христовой.

Празднества по случаю коронаванія длились недолго, начавшись обычнымъ коронаціоннымъ обѣдомъ въ великолѣпно убранной Грановитой палатѣ. Въ теченіе трехъ ночей зажигалась иллюминація, былъ устроенъ народный праздникъ съ угощеніемъ, сожженъ роскошный фейерверкъ.

Слѣдующее коронаваніе было совершено опять надъ государынею. Въ ноябрѣ 1741 г. вступила на престолъ дочь великаго Преобразователя, Елисавета Петровна; 1-го января 1742 г. государыня издала манифестъ о коронаваніи и въ концѣ февраля пріѣхала въ Москву, остановившись, какъ и Анна Іоанновна, въ селѣ Всевятскомъ, откуда 28-го февраля торжественно въѣхала въ Москву, гдѣ уже усиленно готовились къ коронаціи. Городъ впервые убранъ триумфальными воротами и арками; по обѣимъ сторонамъ улицъ были разставлены елки; дома украшались коврами

и «прочими преизрядными шелковыми и шерстяными матеріями». Подлѣ Ивановской колокольни были устроены номерованныя мѣста для желающихъ видѣть церемонію. Успенскій соборъ былъ убранъ, какъ въ предшествующую коронацію. Коронованіе происходило 25 апрѣля и было совершено архіепископомъ новгородскимъ Амвросіемъ Юшкевичемъ. Взойдя на тронъ и сѣвъ на престолъ, императрица не сказала рѣчи, корону и порфиру она возложила на себя сама. Въ остальномъ обрядъ коронаванія остался совершенно тотъ же, но къ регаліямъ были при-

бавлены: государственное знамя, государственная печать и государственный мечъ. Торжества по случаю коронаціи продолжались больше недѣли. Во все это время днемъ не умолкалъ колокольный звонъ, а вечерами Москва загоралась роскошными иллюминаціями. На четвертый день было народное угощеніе передъ Грановитую палатую. Десять разъ былъ повторенъ грандіозный маскарадъ. Изданъ былъ и милостивый манифестъ. Послѣ коронаціи государыня отправилась на богомолье въ Троице-Сергіеву лавру, пѣшкомъ.

Коронованіе Екатерины II, Павла I и Александра I.

арествованіе преемника Елизаветы, Петра III, было весьма кратковременнымъ. Петръ не успѣлъ короноваться, и извѣстная придворная революція 1762 года возвела на престолъ жену его, Екатерину II. 28 іюня 1762 г. былъ изданъ манифестъ о вступленіи ея на престолъ, а 22-го сентября 1762 года совершено надъ нею митрополитомъ новгородскимъ Димитріемъ Сѣменовымъ коронованіе, во всемъ сходное съ коронованіемъ Елизаветы Петровны. Торжество отличалось лишь еще большею роскошью. Государыня была въ порфирѣ изъ золотой парчи, расшитой двуглавыми орлами; платье на ней было изъ серебряной парчи, спитой по тогдашней французской модѣ, отдѣланное золотомъ съ дорогимъ брабантскимъ кружевомъ; башмаки — также парчевые, на очень высокихъ каблуккахъ. Послѣ коронаціи государыня прожила въ Москвѣ всю зиму, въ теченіе которой празднества не прерывались. Отголоскомъ коронаціоннаго торжества явилось и устроенное на масленицѣ грандіозное народное празднество — маскарады, съ шествіемъ изъ 250 колесницъ, запряженныхъ каждая въ 12 и даже 24 вола. Въ центрѣ процессіи, двигавшейся по улицамъ, возвышалась колесница съ разными мѣстными и аллегорическими фигурами.

Начиная съ наслѣдника Екатерины II, Павла Петровича, всѣ императоры останавливаются, въ ожиданіи торжественнаго въѣзда въ столицу, въ Петровскомъ дворцѣ; съ этой же коронаціи коронуются императоры совмѣстно со своими супругами. Надъ императоромъ Павломъ съ императрицею Маріей Ѳеодоровной коронаціонный обрядъ былъ совершенъ 5 апрѣля 1797 г. въ день Пасхи. Для коронаціи была изготовлена ювелиромъ Дювалемъ новая большая императорская корона, еще роскошнѣе и драгоцѣннѣе первой, новый скипетръ, украшенный, среди другихъ драгоцѣнныхъ камней, брилліантомъ въ 200 каратовъ, купленнымъ Орловымъ у армянина Лазарева и поднесеннымъ Екатериной (теперь камень этотъ цѣнится въ 2,500,000 руб.), и новая держава съ «яблокомъ» для креста изъ драгоцѣннаго сянга яхонта. Первенствовали

въ вѣнчальномъ служеніи новгородскій митрополитъ Гавриилъ. По прочтеніи св. Евангелія онъ возложилъ на государя, бывшаго въ прусскомъ военномъ мундирѣ и пудреномъ парикѣ, «далматикъ» изъ малиноваго бархата, — одежду, которую надѣвали на себя при вѣнчаніи византійскіе императоры. Въ этомъ самомъ «далматикѣ» и коронѣ командовалъ императоръ Павелъ войсками на парадѣ въ Кремлѣ, черезъ нѣсколько дней послѣ коронаціи. Обрядъ коронованія и мвропомазанія нѣсколько отличался отъ предшествующихъ. Императорскую корону поднесли митрополиту Гавриилу не архіереи, какъ прежде, но одинъ свѣтскій сановникъ, графъ Безбородко. Затѣмъ, по окончаніи обряда коронованія, императоръ прочиталъ съ трона составленный имъ законъ о порядкѣ престолонаслѣдія и положилъ его въ серебряный ковчегъ, поставленный въ алтарѣ Успенскаго собора (Въ тотъ же день было издано и Учрежденіе императорской фамиліи). По окончаніи коронованія москвичамъ было предложено угощенье, и для того поставлены отъ Никольскихъ до Красныхъ воротъ столы. Были устроены многія другія празднества, даны необыкновенно щедрія награды, разнымъ сановникамъ пожаловано до 100 тысячъ душъ крестьянъ.

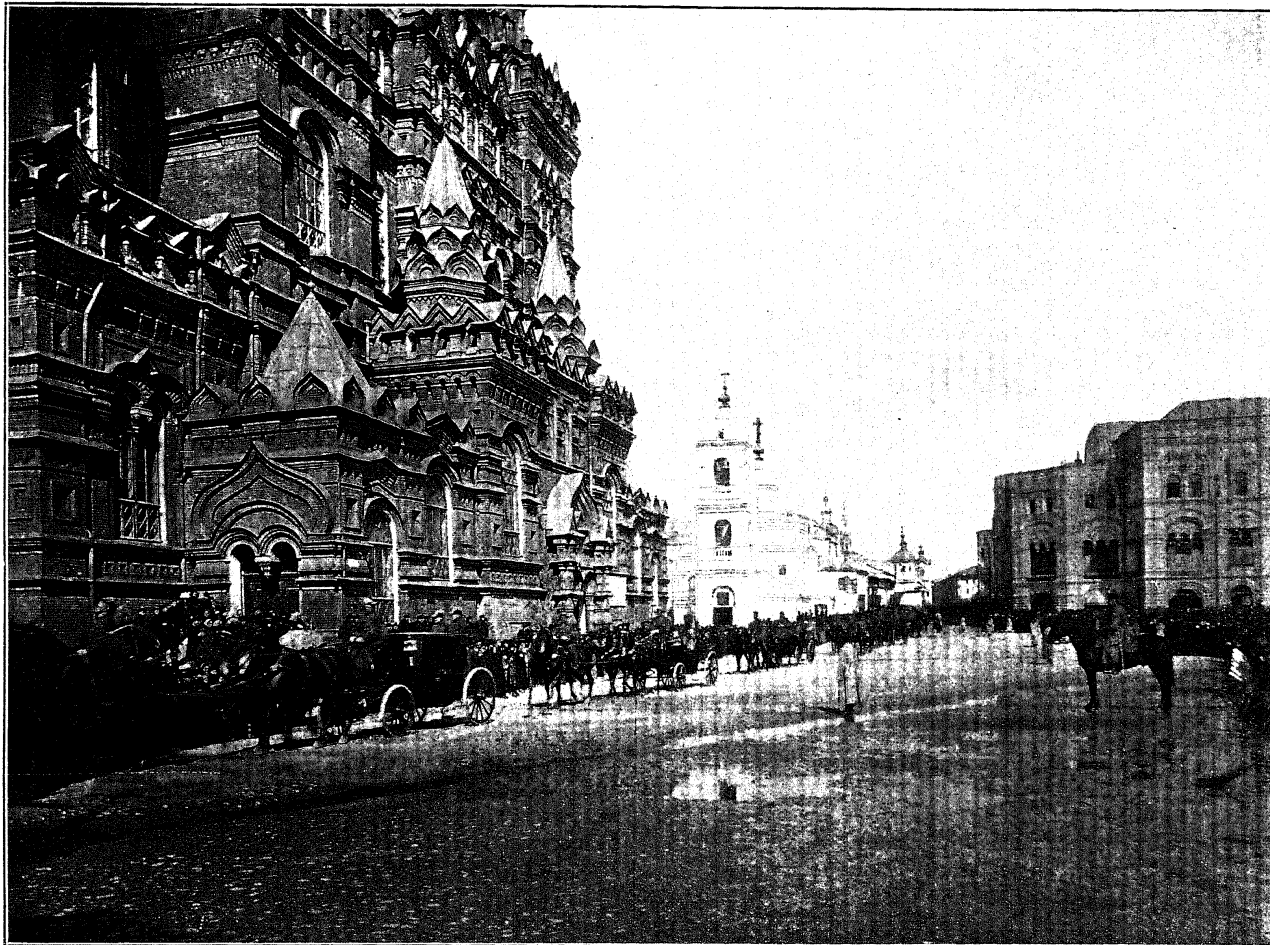
15 сентября 1801 г. Москва была свидѣтельницею торжественнаго коронованія императора Александра I съ супругою его, Елизаветой Алексѣевной. Коронованіе, при которомъ священнодѣйствовалъ митрополитъ московскій, Платонъ, было совершено вполне согласно съ установленнымъ ранѣе обрядомъ безъ какихъ-либо отъ него отступленій. Только Александръ Павловичъ и всѣ послѣдующіе государи уже не надѣвали на себя древняго «далматика», а прямо порфиру на генеральскій мундиръ. Коронаціонное торжество на этотъ разъ совершалось въ присутствіи многочисленныхъ заграничныхъ гостей и депутатовъ отъ дворянства и купечества всѣхъ губерній и сопровождалось весьма милостивымъ манифестомъ. Черезъ три дня послѣ коронаціи былъ данъ большой праздникъ для народа, на который съехалось до 30 т. человекъ. Мѣстомъ для него было на этотъ разъ выбрано Сокольничье поле.

Коронованіе Императора Николая Павловича.

Нѣсколько подробностей о вѣздѣ въ Москву и коронаціи императора Николая Павловича находимъ въ запискахъ К. К. Мердера, воспитателя цесаревича Александра Николаевича, будущаго великаго Царя - Освободителя. «Вчера», пишетъ онъ подъ 26-мъ іюня, — «въ четыре часа пополудни, началось торжественное шествіе

была унизана народомъ. Несмотря на пыль, которая всѣхъ по-своему украшала, церемонія имѣла нѣчто очаровательно-величественное. Александръ Николаевичъ сидѣлъ въ каретѣ вмѣстѣ съ императрицею Александрой Теодоровною. Всѣ генералы и флигель-адъютанты слѣдовали за Государемъ Императоромъ верхомъ и всѣ пріѣхали въ Москву въ маскахъ, отъ пыли составившихся. Трудно описать прелестную Москву; ни выраженій, ни

Перевезеніе Императорскихъ регалій съ вокзала Николаевской ж. д. въ Кремль 4-го апрѣля 1896 г. — У Историческаго музея.

въ Москву. Отъ Петровскаго парка, по обѣ стороны дороги, стояли войска; едва показались государь императоръ верхомъ и царская фамилія въ золоченыхъ экипажахъ, отовсюду раздавалось «ура!», продолжавшееся все время церемоніи и до поздней ночи. Стоитъ только кому-нибудь изъ царской фамиліи, особенно же Александру Николаевичу, показаться у окна, толпа, окружающая съ утра до вечера дворецъ, тотчасъ кричить «ура!» Народу въ Москвѣ встрѣчается множество, но въ день торжественнаго вѣзда не только на улицахъ, но на кровляхъ, въ окошкахъ, на заборахъ, на колокольнѣ, даже вся дорога, отъ самого Петровскаго дворца,

искусства не достааетъ, чтобы представить ее въ томъ видѣ — въ какомъ она является изъ оконъ кремлевскаго дворца: куда ни взглянешь, вездѣ видишь новыя, очаровательныя картины». Торжество коронаціи должно было совершиться черезъ три недѣли, 17 августа, но затѣмъ было отложено еще на нѣсколько дней, до 22-го. За недѣлю до торжества прибылъ въ Москву и цесаревичъ, Константинъ Павловичъ, добровольно отрекшійся отъ престола въ пользу своего младшаго брата. Вся царская фамилія и Москва встрѣтили его съ необычайнымъ восторгомъ. «Какъ описать неизъяснимое чувство умиленія», восклицаетъ Мердеръ. — Едва народъ завидѣлъ Констан-

тина Павловича, радостное «ура!» раздалось въ воздухѣ. Бѣгутъ, тѣснятся, падаютъ, лѣзутъ другъ на друга, на кровли, на окна и вмигъ вся Кремлевская площадь наполняется непроходимую толпою, каждому хочется приблизиться и увидѣть царей своихъ. Торжественный звонъ колоколовъ, крикъ народа, блестящая свита императора, состоящая большею частью изъ собранныхъ свидѣтелей всей Европы, все это представляло зрѣлище восхитительное».

Утромъ 22-го августа громъ пушекъ возвѣстилъ Москвѣ объ вмѣющемъ начаться священномъ коронованіи Ихъ Величествъ. Еще задолго до того, часовъ съ четырехъ ночи, стали собираться народъ и скоро запрудили всѣ площади, унизали всѣ колокольни и кровли. Въ половинѣ осмого вся знать стала собираться въ Кремлевскій дворецъ; публика заняла приготовленныя вокругъ соборовъ, обитыя алымъ сукномъ, мѣста. Въ 9 час. государыня Марія Теодоровна подъ балдахиномъ, за нею великая княгиня Елена Павловна, сестра государя, великій князь Александръ Николаевичъ, герцогъ Александръ Виртембергскій, принцесса Марія начали свое шествіе въ Успенскій соборъ. Всѣмъ затѣмъ государь императоръ и государыня императрица начали свое шествіе изъ внутреннихъ покоевъ въ аудіенцъ-камеру, а оттуда — въ Успенскій соборъ. Въ половинѣ десятаго началось торжественное коронованіе. «Восхитительную картину эту надо видѣть», пишетъ Мердъръ, «описывать нѣтъ возможности; особенно — минуту, когда земной нашъ ангелъ, императрица Александра Теодоровна становится на колѣни передъ прелестнымъ своимъ супругомъ императоромъ, который, снявъ съ головы своей корону, возлагаетъ ее на голову императрицы, а потомъ ее цѣлуетъ. До чрезвычайности трогательно было видѣть добродѣтельную и по высокимъ чувствамъ едва ли не первѣйшую мать и императрицу Марію Теодоровну, третій разъ при коронаціи присутствующую и въ другой на царство сына благословляющую; видѣть царскаго брата, великодушнѣмъ безпримѣрнаго, коронуящаго младшаго брата потому, что находить его болѣе способнымъ къ перенесенію трудовъ, съ саномъ симъ сопряженныхъ». Самый обрядъ коронованія былъ совершенно тотъ же, что и при коронаціи императора Александра Павловича. Молитву при коронаціи государь читалъ не по книгѣ, гдѣ напечатанъ весь чинъ коронованія, но по особому листу, на которомъ текстъ молитвы былъ напечатанъ весьма крупнымъ шрифтомъ. Нынѣ листъ этотъ, переплетенный въ видѣ книги, хранится въ публичной библиотекѣ. По окончаніи коронованія Николай Павловичъ, въ регалияхъ и подъ балдахиномъ, прошелъ изъ Успенскаго собора въ Благовѣщенскій, отсюда къ Красному крыльцу и привѣтствовалъ толпившійся кругомъ народъ. Коронованіе кончилось въ полдень, а въ два часа въ Грановитой палатѣ былъ обѣдъ. «На тронѣ накрытъ столъ на три куверта, — рассказываетъ Мердъръ, — за стульями стояли камергеры; около стѣнъ зала поставлены столы для первыхъ двухъ классовъ и духовенству при входѣ, на лѣвой рукѣ; за гардинами скрыты музыка и пѣвчіе. Всѣ чужестранные министры стоятъ вправо отъ дверей, грушкою; всѣ ожидаютъ прихода императора и императрицы. Великій князь Александръ Николаевичъ и всѣ члены императорской фамилии находились въ комнатѣ, «тайникомъ» называемой, гдѣ для нихъ накрытъ былъ столъ. Изъ большаго окна сей комнаты можно было видѣть все, прои-

ходящее въ Грановитой палатѣ. Входятъ маршалы, за ними императоръ, обѣ императрицы, въ императорскихъ мантияхъ и коронахъ, становятся возлѣ кувертовъ. Черезъ нѣсколько времени отставные офицеры, предшествуемые маршалами, несутъ на золотыхъ блюдахъ золотыя же чаши, отдають гофмаршалу Нарышкину. Митрополитъ благословляетъ яства; ихъ величества садятся. Ласунскій съ салфеткою въ петлицѣ беретъ ложку, наливаетъ супъ и подносить тарелки ихъ величествамъ; всѣ прочіе стоять, ожидая, когда государь спроситъ пить. Затѣмъ, всѣ садятся. «Все это», прибавляетъ очевидецъ, «происходило какъ на театрѣ; я былъ актеромъ и вмѣстѣ зрителемъ». Вечеромъ была сожжена иллюминація. «Кто читалъ волшебныя повѣсти, пишетъ тотъ же близкій свидѣтель коронаціоннаго торжества, — и полагалъ невозможнымъ видѣть огненные дворцы, тотъ, при взглядѣ на Кремль съ его стѣнами и садомъ, ихъ окружающимъ, горящимъ радужными огнями, повѣрилъ бы существованію волшебныхъ замковъ. Всѣ были въ очарованіи. Наслѣдникъ со мною выѣхалъ въ коляскѣ посмотреть иллюминацію. Едва показался онъ, раздалось радостное «ура!» Народъ толпою бросился къ коляскѣ, власть полиціи исчезла, все уступаетъ толпѣ радостнаго народа, подобно морскому валу воздымающемуся, лѣзутъ другъ на друга, падаютъ, вскакиваютъ, бѣгутъ, хватаютъ за колеса, рессоры, постромокки, крича: «Ура! Александръ Николаевичъ, нашъ московскій князь! Ура! Ура!» «Трогательная картина».

Коронаціоннымъ манифестомъ императоръ даровалъ прощеніе за цѣлый рядъ преступленій, которыя не были соединены со «смертоубійствомъ, разбоями, грабежами и лихоимствомъ», смягчилъ наказанія по другимъ преступленіямъ, простилъ всякія недоимки и начеты на сумму не свыше двухъ тысячъ рублей и даровалъ еще нѣкоторыя милости. Нѣсколько лицъ возведены въ княжеское (гр. Ливенгъ) и графское достоинство (Чернышевъ, Строгановъ, Курута); Витгенштейль и Сакенъ назначены фельдмаршалами и т. д.

По заведенному обычаю были устроены и народныя гулянья съ угощеніемъ, на Дѣвичьемъ полѣ. Угощеніе было приготовлено для 40,000 челов. Четыре фонтана были краснымъ и бѣлымъ виномъ. Въ разныхъ мѣстахъ — качели, карусели, театры. «Для царской фамилии былъ построенъ особый павильонъ, возлѣ — галереи для публики, все — прелестнѣйшей архитектуры». Происходило народное гулянье 16 сентября, а въ субботу, 21, государь Императоръ и дворъ выѣхали изъ Москвы; 19 выѣхали и другіе члены царской семьи. Изъ другихъ торжествъ, сопровождавшихъ коронацію, отмѣтимъ блестящій маскарадъ въ Большомъ театрѣ (1 сентября), на которомъ императрица Александра Теодоровна, великая княгиня Елена Павловна и принцесса Марія присутствовали въ сарафанахъ и кокошникахъ; парадъ 3 сентября, балъ въ дворянскомъ собраніи 6 сентября, роскошные балы у герцога Рагузскаго (8 сентября) и герцога Девонширскаго (10 сентября), балъ у князя Юсупова; на всѣхъ присутствовали государь и государыня, принимавшіе участіе и въ танцахъ.

Черезъ три года послѣ московскаго коронованія Николай Павловичъ короновался также, 12-го мая 1829 г., въ Варшавѣ. Описаніе этого торжества сохранилось въ письмѣ В. А. Жуковскаго отъ 13-го мая. Торжество происходило въ огромномъ залѣ сената, во дворцѣ. На одномъ изъ концовъ великолѣпно убраннаго зала былъ устроенъ

тронъ, подъ балдахиномъ съ изображеніемъ всѣхъ гербовъ Царства Польскаго и въ центрѣ ихъ—русскаго двуглаваго орла и бѣлаго орла Польши. Посреди зала возвышался крестъ. Вдоль стѣнъ стояли сенаторы, нунціи и депутаты Царства. На балконѣ, поддерживаемомъ колоннами, помѣщались знатнѣйшія дамы Варшавы. Государь явился, предшествуемый знатнѣйшими сановниками, которые несли регалии,—корону, державу, порфиру, скипетръ, мечъ и хоругвь Царства,—епископами и архіепископами; за ними слѣдовала государыня, въ коронѣ и порфирѣ, наслѣдникъ цесаревичъ Михаилъ Павловичъ и придворные сановники. Когда всѣ заняли свои мѣста, архіепископъ-примасъ произнесъ молитву. Затѣмъ государь возложилъ на себя императорскую корону, надѣлъ порфиру, принявъ въ руки державу и скипетръ и украсилъ государыню цѣпью ордена Бѣлаго Орла. Архіепископъ троекратно провозгласилъ: «vivat rex in aeternum». «Засимъ,—пишетъ Жуковский,—послѣдовало разительное-величественное трогательное дѣйствіе: монархъ Россіи и Польши, украшенный вѣнцомъ прародительскимъ, преклонилъ колѣно предъ невидимымъ присутствующимъ Богомъ, произнесъ молитву за себя и за народъ, вѣряемый его

любви Промысломъ; лицо его оживлено было чувствомъ, и твердый голосъ его иногда прерывался отъ сильнаго движенія душевнаго. Внимавшіе исполнены были глубокаго благоговѣнія и проливали слезы благодарности». Затѣмъ всѣ присутствовавшіе въ залѣ опустились на колѣни. «Можно сказать, что все Царство Польское, въ лицѣ своихъ представителей, преклонилось предъ своимъ монархомъ, и архіепископъ-примасъ, въ свою очередь, провозгласилъ молитву за царя и за благоденствіе его державы». Изъ сенатскаго зала всѣ присутствующіе, съ монархомъ во главѣ, прошли дворцовой площадью въ церковь св. Іоанна. Вся площадь была запружена народомъ, который восторженно привѣтствовалъ государя. «Сія огромная туча народа», пишетъ поэтъ,—которая отъ самаго низа площади, движущаяся массою, возвышалась до кровельъ высокихъ домовъ, сей грозозвучный, непрерывный привѣтственный клкъ, съ коимъ сливались звонъ колоколовъ и громъ выстрѣловъ пушечныхъ, сіе блестящее безоблачное небо, озарявшее царя торжествующаго и народъ, его прославляющій, все сіе вмѣстѣ составляло картину единственную»...

Коронованіе Императора Александра Николаевича.

Быть можетъ никогда коронаціонное торжество не принимало размѣровъ столь грандіозныхъ, не отличалось такою величавостію, какъ при коронованіи Александра Николаевича, въ коемъ Москва и вся Русь какъ бы предчувствовали царя-освободителя и съ дѣтскихъ лѣтъ относились къ нему съ самою горячею, восторженною любовью, къ кому, еще пятилѣтнему ребенку, обращался поэтъ съ пророческими словами:

«Старайся духъ постигнуть вѣка,
Узнать потребность русскихъ странъ,
Будь человекъ для человека,
Будь гражданинъ для согражданъ.
Будь Антоনিномъ на престолѣ,
Въ чертогахъ мудрость водвори,
И ты себя прославишь болѣ,
Чѣмъ всѣ герои и цари».

Александръ Николаевичъ вступилъ на престолъ 19-го февраля 1855 г., въ разгаръ севастопольской войны, и рѣшилъ короноваться не раньше, чѣмъ будетъ восстановленъ миръ. Наконецъ, 17-го апрѣля слѣдующаго года высочайшій манифестъ принесъ Россіи радостную вѣсть о предстоящемъ священномъ коронованіи и муромозаніи дорогого Монарха. «Вступивъ на прародительскій Всероссійскій престолъ, гласилъ этотъ манифестъ, составленный Д. Н. Влудовымъ,—и нераздѣльные съ нимъ престолы Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, посреди тяжкаго для насъ и отечества нашего испытанія, мы положили въ сердцѣ своемъ долготъ не приступать къ совершенію коронованія нашего, пока не смолкнетъ громъ брани, потрясавшей предѣлы государства, пока не перестанетъ литься кровь доблестныхъ

христіолюбивыхъ нашихъ воиновъ, ознаменовавшихъ себя подвигами необыкновеннаго мужества и самоотверженія. Нынѣ, когда благодатный миръ возвращаетъ Россіи прежнее спокойствіе, вознамѣрились мы, по примѣру благодѣтельныхъ государей, предковъ нашихъ, возложить на себя корону и принять установленное муромозаніе, приобщивъ къ сему священному дѣйствію и любезнѣйшую супругу нашу, государыню императрицу Марію Александровну. Возвѣщая о такомъ намѣреніи нашемъ, долженствующемъ, при помощи Божіей, совершиться въ августѣ мѣсяцѣ сего года, въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, призываемъ всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ соединить усердныя мольбы ихъ съ нашими теплыми молитвами: да изліется на насъ и на царство наше благодать Господня; да поможетъ намъ Всемогущій, съ возложеніемъ вѣнца царскаго, возложить на себя торжественный предъ свѣтомъ обѣтъ—жить единственно для счастья подвластныхъ намъ народовъ, и да направитъ Онъ къ тому наитіемъ Всесвятаго Животворящаго Духа Своего всѣ помышленія, всѣ дѣянія наши».

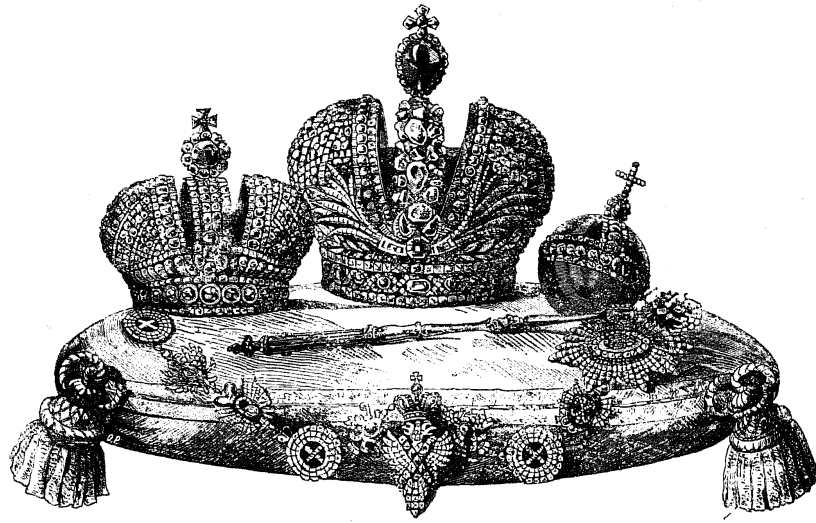
Москва принялась энергично готовиться къ торжеству коронованія монарха, увидавшего свѣтъ въ ея стѣнахъ. И приготовленія эти отличались необычайною грандіозностью, населеніе ждало этого государственно-народнаго праздника съ особенно радостнымъ нетерпѣніемъ и воодушевленіемъ. «Меня поражило движеніе на улицахъ, пишетъ графъ Г. А. Милорадовичъ, пожалованный въ день коронованія въ камеръ-пажи Двора Его Величества и присутствовавшій на всѣхъ торжествахъ коронаціи,—толпа, чего-то ожидающая, что особенно выразилось на простолодінѣ. Въ Кремлѣ былъ слышенъ шумъ, происшедшій отъ работъ для предстоящей иллюминаціи всего Кремля, Ивана Великаго, арсенала и т. д. Стѣны и башни Кремля до самыхъ вершинъ своихъ опоясались сѣтка-

ми, глава Ивана Великаго обратилась въ корону, въ городъ театральная площадь обносится кругомъ арками, а равно университетъ, дома гр. Шереметева, генераль-губернатора украшены щитами и вензелями, разными фигурами и орнаментами для иллюминаціи. Съ поразительною роскошью были убраны дома на всемъ протяжении отъ Триумфальныхъ воротъ до Кремля, по всему пути слѣдованія торжественнаго кортежа во время вѣзда. Весь рядъ домовъ, описываетъ корреспондентъ одной бельгійской газеты, отъ Триумфальныхъ воротъ до Садовой улицы буквально былъ обтянутъ подмостками; вся Тверская сдѣлалась похожей на безконечный рядъ ложъ, устроенныхъ для громаднаго, небывалаго зрѣлища. Зданіе клуба, дома князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ, графа Гурьева и т. д. представляли зрѣлище по истинѣ фантастическое.

Государь Императоръ пріѣхалъ 14 августа и проѣхалъ прямо въ Петровскій дворецъ; торжественный вѣздъ въ столицу состоялся черезъ три дня, въ воскресенье, 17 августа. Съ утра погода была плохая, сѣрыя тучи затянули все небо, падалъ мелкій дождь. Но часамъ къ одиннадцати пологъ тучъ разорвался, облака стали быстро таять, и заиграло яркое солнце, щедро обливая своими горячими лучами грандіозную панораму Москвы, роскошно украсившейся для встрѣчи своего монарха. Въ 3 часа съ дворцовой площади грянули девять пушечныхъ выстрѣловъ, загудѣли благовѣстомъ кремлевскіе колокола. Государь, въ общегенеральскомъ мундирѣ, сѣлъ на сѣраго коня и, окруженный наслѣдникомъ цесаревичемъ, Николаемъ Александровичемъ, великими князьями, иностранными принцами и огромною блестящею свитою, тронулся въ путь. За нимъ слѣдовали, въ парадныхъ золоченыхъ каретахъ, государыня Марія Александровна, вдовствующая императрица Александра Ѳеодоровна и великія княгини. Все зрѣлище вѣзда было грандіозное, и навсегда осталось въ памяти тѣхъ, кому довелось его видѣть, прекраснѣйшимъ, очаровательнымъ воспоминаніемъ. У вѣзда въ столицу государя встрѣтилъ московскій генераль-губернаторъ, гр. Закревскій и присоединился

къ свитѣ Его Величества. У Успенскаго собора августѣйшее семейство было встрѣчено митрополитомъ Филаретомъ съ московскимъ духовенствомъ. На порогѣ святыхъ сѣней верховный маршалъ, кн. С. М. Голлицынъ поднесъ государю хлѣбъ-соль. Грянула пушечная пальба, благовѣстили колокола, и этотъ колокольный звонъ уже не умолкалъ до ночи.

На слѣдующій день государь съ государыней переѣхалъ въ имѣніе гр. Д. Н. Шереметева, въ Останкино, и тамъ прожилъ до кануна коронаціи. 23, 24 и 25 августа происходило черезъ герольдовъ всенародное объявленіе о днѣ предстоящаго коронаціи, а 26-е самоотржество коронаціи, по церемониалу, въ существующемъ и

Императорскія регалии: Большая Императорская корона, Малая Императорская корона, держава, скипетръ и цѣпь ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго.

даже въ деталяхъ повторявшему церемониалу коронаціи Екатерины Алексѣевны, этотъ общій прототипъ всѣхъ нашихъ коронаціонныхъ церемониаловъ. Съ большою торжественностью совершенно было шествіе съ Краснаго крыльца въ Успенскій соборъ, балдахинъ изъ золотой парчи, украшенный страусовыми перьями, несли надъ ихъ величествами 16 генераль-адъютантовъ, а шнуры 16 генераль-лейтенантовъ. На паперти собора ихъ величества были встрѣчены митрополитами московскимъ и петербургскимъ, пятнадцать архіепископами и епископами, пріѣхавшими изъ различныхъ концовъ Имперіи и соборнымъ духовенствомъ. Митрополитъ Филаретъ, короновавшій Николая Павловича, произнесъ краткое слово.

Начался церковный обрядъ коронаціи, по установленному порядку, описанному уже въ очеркѣ предшествующихъ коронаціи. По окончаніи обряда императоръ и императрица, облеченные въ царскія регалии, съ коронами на главахъ, а государь—со скипетромъ и державою въ рукахъ, окруженные многочисленною блестящею свитою, вышли изъ сѣверныхъ дверей Успенскаго собора и, подъ балдахиномъ, прошли по особоустроенному помосту въ Архангельскій соборъ, чтобы поклониться гробамъ прежнихъ русскихъ царей-Рюриковичей. Въ это время пушечная пальба, перезвонъ колоколовъ, военная музыка, оглашая воздухъ, сливались съ восторженнымъ «ура!» многочисленной толпы. А надъ этою величественною спе-

Императорскія регалии. Государственная печать.

кажъ, окруженные многочисленною блестящею свитою, вышли изъ сѣверныхъ дверей Успенскаго собора и, подъ балдахиномъ, прошли по особоустроенному помосту въ Архангельскій соборъ, чтобы поклониться гробамъ прежнихъ русскихъ царей-Рюриковичей. Въ это время пушечная пальба, перезвонъ колоколовъ, военная музыка, оглашая воздухъ, сливались съ восторженнымъ «ура!» многочисленной толпы. А надъ этою величественною спе-